

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/pedagog/ushinskiy_psyh_mono.html.

Введение

Возможность и необходимость психологии как науки. Польза ее. Преждевременные теории. Единственно возможный метод исследований. Цель и план монографий. Их педагогическое значение.

Предрассудки - принадлежность не одного невежества: нередко остаются они и в голове, наполненной сведениями, и еще крепче, чем где-нибудь, заседают там как за брустверами, за целыми ворохами фактов. Некоторые из таких предрассудков до того общи целым классам ученых, что могут быть сочтены неизбежными принадлежностями самой науки, хотя, конечно, наука сама по себе не может иметь предрассудков и предрассудок есть только принадлежность односторонности в науке, т. е. отсутствия науки, или того же невежества.

Несколько таких предрассудков есть и в науках естественных или, лучше сказать, у естествоиспытателей, которые видят в них как бы залог дельного изучения своего предмета, хотя, конечно, от предрассудка ничего дельного ожидать нельзя. Из таких предрассудков рождаются только самые пустые и потому самые горячие споры, дикие предубеждения и ни на чем не основанные симпатии и антипатии. Таков, например, спор между опытом и теорией, как будто опыты могут быть делаемы без предварительной теории* и как будто какая-нибудь теория может с сознанием противоречить опытам. Таков же спор между материалистами и идеалистами о том, что для обеих этих партий одинаково неизвестно, потому что если трудно сказать, что такое дух, то еще труднее ответить на вопрос, что такое материя в существе своем, если не удовольствоваться только тем определением, что дух не материя и материя не дух. Те же материалисты вынуждены самыми явлениями природы материальной допустить существование материи, не доступной в спокойном состоянии ни одному из наших чувств, не открываемой никакими опытами и наблюдениями, не открываемой и теми все взвешивающими весами, которыми так наивно хвастается Мошотт, но без признания которой тем не менее невозможно объяснить почти ни одного физического явления. Но если эфир, наполняющий будто бы междузвездное пространство, не имеющий веса, не доступный ни одному из наших чувств, не открываемый никакими орудиями, проникающий, очевидно, во всякое прозрачное тело, как бы ни было оно плотно (да и не в прозрачное, если только справедливо то единство света, теплоты, электричества и магнетизма, а может быть, и силы тяготения, к которому склоняются теперь гипотезы естествоиспытателей), если этот всюду содержимый и все содержащий эфир - материя, то все прежние определения материи разрываются сами собой и определение ее, как и определение духа, становится невозможным. Зачем же с обеих сторон не сознаться откровенно в недоступности еще первых начал и не требовать от противников решения тех вопросов, на которые еще сами не можем ответить? Зачем предугадывать окончательные результаты, когда их предугадать еще невозможно? Или зачем обвинять других в теориях, ни на чем не основанных, когда мы сами без таких теорий шагу ступить не можем?

* Даже так называемые случайные открытия в науках своей последовательностью и своим одновременным появлением в разных местах, делающих их почти всегда предметом спора между разными лицами, указывают на то, что они не вполне случайны, а подготовлены уже полусознательно вырабатывающейся теорией.

К предрассудкам такого же ученого свойства принадлежит и то ни на чем не основанное предубеждение, которое естествоиспытатели по большей части питают к наукам философским, или не зная их вовсе, или знакомясь с ними только понаслышке. Даже великий Гумбольдт, этот естествоиспытатель-философ по преимуществу, не был совершенно свободен от такого предубеждения, и если философия не отвечает наукам естественным тем же диким презрением, то это доказывает только, что она, получив более многостороннее и, следовательно, более светское воспитание, умеет держать себя приличнее в обществе наук и не занимает места, принадлежащего другим.